

18+

Николай Шур

Роман с копьем

Николай Тур

Роман с копьем

«Издательские решения»

Тур Н.

Роман с копьем / Н. Тур — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510801-2

— Доченька, а подскажи мне, неучу: не это ли копьё называли «Копьем Судьбы» и «Копьем Всевластия»? Не это ли копьё так жаждал Гитлер, а после войны оно попало к американцам?... На эти и ряд других вопросов вы получите ответы в этой книге! Увлекательный сюжет с участием многих реальных исторических персонажей поможет читателю глубже познать и осмыслить многие загадочные версии событий и фактов из нашего далекого прошлого и увидеть их влияние на нас — сегодня.

ISBN 978-5-00-510801-2

© Тур Н.

© Издательские решения

Содержание

1. Рождественский вечер	6
2. Дом с колоннами	8
3. Праздничный ужин	10
4. Сон	12
5. Карл Мартелл	15
6. Незваные гости	18
7. Павел	21
8. Урок истории	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Роман с копьем

Николай Тур

© Николай Тур, 2020

ISBN 978-5-0051-0801-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Рождественский вечер

Миллионы ярких праздничных огней осветили главную улицу Парижа. Торопливая суэта на Елисейских полях в Рождественский вечер очень похожа на закулисную беготню в театре перед большой премьерой. Все взволнованы, чего-то ищут и куда-то спешат. Этот праздник здесь всегда ждут, к нему готовятся, но приходит он, как всегда, внезапно. И все, как всегда, пытаются за оставшиеся часы и минуты – все успеть.

Лишь, один из персонажей среди этих шикарных декораций явно не вписывался в обычный сценарий. Хотя бы тем, что он никуда не спешил. Высокие шнурованные ботинки и наглухо застегнутый френч выгодно подчеркивали его коренастую фигуру. Если бы не длинный оранжевый шарф на шее – вылитый наставник гвардейцев с рекламных буклетов, приглашающий на службу в Иностранный легион.

Но этот «гвардеец» не служил в Легионе. Со вчерашнего вечера он вообще не служил нигде и никому. Именно поэтому, его сейчас ничто и не радовало. Ни праздничная иллюминация улиц, гроздьями развешанная по домам и деревьям. Ни движущиеся в витринах рождественские игрушки из библейских сюжетов, на которые вот уже много лет он так любил смотреть за стеклами этих магазинов. Сейчас его не радовало ничто, даже улыбающиеся лица женщин, идущих ему навстречу. Его взгляд был направлен, мимо всей этой красоты и устремлялся поверх всех голов, куда-то вперед. Предрождественская суэта захватила, казалось бы, всех кроме него.

Сильный декабрьский ветер шнырял по мостовой, тоже, как-то суетливо – из стороны в сторону, по-весеннему пытаясь заигрывать с прохожими. Но люди, не принимали его игры. Они прятали свои носы и уши под шарфы и шапки и торопились уйти прочь. Даже, благородные собаки, обычно чинно выгуливающие своих хозяев, сегодня тоже не могли найти себе места. Они то срывали поводки в погоне за снежной поземкой, а то и вовсе жались к чужим ногам.

Заметив впереди большое скопление зевак, у входа на ледовый каток, «гвардеец» свернул к Рождественскому базару. Эти рынки, ставшие последнее время праздничной традицией, всегда были полны горожанами, ищущими подарки своим близким к Рождеству. Особую популярность, они приобрели среди семейных пар жителей Парижа. «Гвардеец» не был женат, и поздравить ему было некого, но что-то влекло его сюда, с непреодолимой силой.

Связки разноцветных воздушных шаров вытанцовывали на привязи, невообразимые па, под какофонию звуков, доносившихся со всех сторон мелодий. Здесь, по причуде ветра, зажигательная румба в секунду сменялась французским шансоном, где припевом служил тяжелый рок или мелодичные арабские напевы.

Медленно прогуливаясь среди лавочек с сувенирами, он внимательно вглядывался в лица прохожих.

Неожиданно ветер затих, и где то совсем рядом, мощный баритон затянул: «О море, море! Преданным скалам, ты ненадолго подаришь прибой...». В Париже русская речь не редкость, но каждый раз услышав ее, он улыбался.

«Гвардеец» пошел на этот голос. У прилавка заставленного матрешками и хохломой, о чем-то спорили три девушки, укутанные в хиджабы и пожилой араб в национальном костюме. Из колонок все еще доносился рокот волн, этой песни.

Шутливый вопрос «гвардейца»: «Почем, нынче Магомаев?» – заданный на русском языке, почему то смутил девушек. Прекратив свое щебетание, они переглянулись и как стайка воробьев полетели прочь, оставив араба, наедине с подошедшим русским.

Какого же было удивление «гвардейца», когда этот «араб», ему ответил на чистейшем русском:

– Землякам, бесплатно дорогой! Слушай на здоровье! Красивая музыка делает людей добрее!

И как-бы в подтверждение своих слов, он нажал кнопку и из колонок полились слова: «Ты моя Мелодия...». Дослушав песню до конца, «араб» поежившись от ветра, вдруг предложил:

– А знаешь, брат, давай с тобой «по пятьдесят», за грядущее Рождество! – он протянул незнакомцу руку. – Все зовут меня Алик!

– Тогда уж, и за знакомство, – согласился прохожий. – Павлом меня прозвали.

Они крепко пожали друг другу руки.

– Ну, будем! За Рождество!

Коньяк из фляжки благодатью разлился по всему телу, и на душе у обоих стало теплее. Уже не обращая внимания на ветер, они опять слушали песни Магомаева и говорили за жизнь.

– Всё-таки, великий он был певец, – и Алик гордо добавил, – мой земляк!

Он рассказал, что сам родился и вырос в Баку. Как в конце 80-х, с женой и малолетней дочкой, убегая от войны, они переехали к его родне в Москву, потом с еще большим страхом уезжали к родственникам жены сюда, в Париж.

Говорил про долгую болезнь жены и как переживала все это, их единственная малолетняя дочь. Было видно, насколько еще свежи для него все эти воспоминания.

Поддавшись настроению, Павел осторожно спросил:

– Ну и как нынче торговля? На жизнь хватает? Может, чем помочь? Земляк же...

Тут грустное выражение лица «лавочника» осветила улыбка.

– Да о чем ты говоришь, все в прошлом. Дочка давно окончила университет, сейчас пишет диссертацию. У нее очень хорошая работа и она хорошо получает. У нас все есть.

Павел, кивая головой, недоверчиво оглядел небогатый ассортимент на прилавке и протянул:

– Ну, да.

Алик, проследив за его взглядом, улыбнулся еще шире.

– Дорогой Паша, да ты не думай. Это просто так, для души. Не могу я один дома сидеть. А здесь всегда люди, весело! Вот тебя встретил.

Он немного помолчал, а потом, предложил:

– А, давай ко мне поедem, прямо сейчас. Я тебя с дочкой познакомлю. Она сегодня, в честь праздника обещала пораньше домой приехать. Посидим, поговорим, ну выпьем еще! У меня на такой случай найдется бутылочка настоящего армянского.... Соглашайся, поехали? А...?!

Павел задумался, он не любил «случайных» встреч и уж точно, давно отвык ездить «по гостям». Но сейчас, он поймал себя на мысли, что сам хотел убедиться, действительно ли все так хорошо, у его нового знакомого, как тот говорил.

– Ладно, поехали! Но с одним условием, заедem куда-нибудь, возьмем еды. С пустыми руками, по гостям ходить, у нас ведь не принято!

Алик расплылся в улыбке:

– Вот это дело! Вот это праздник! Конечно, заедem, дорогой! Я знаю, тут недалеко, один магазинчик. Тоже русские держат!

2. Дом с колоннами

Пока Алик рассчитывался с таксистом, Павел, нагруженный пакетами, рассматривал чугунную вязь решетки, ограждавшей строение в глубине двора. Тусклый свет уличного фонаря, не позволяя разглядеть сам дом, но каменная изгородь со старинным литьем вызывали почтение. «Сегодня так не делают», – заметил про себя Павел, – похоже, старик действительно не бедствует. Жить здесь «денег стоит». «Гвардеец» с облегчением выдохнул:

– Ну и, Слава Богу!

– Это ты о чем? – подошедший хозяин уже отмыкал ключом, кованую калитку. – Заходи, дорогой! Гостем будешь!

Скрытый от дороги забором и ветвистыми елями,

со двора особняк выглядел внушительно и мило. Белые колонны и лепнина над входом, напомнили ему, старые московские переулки, по которым Павел любил бродить, летними ночами. Он только сейчас осознал, насколько близки они были ему и как сильно, не хватает их сегодня. От нахлынувших волной воспоминаний, защемило сердце. Но глубоко выдохнув, гость справился с эмоциями и поспешил за Аликом.

Первое, что видел каждый входящий в дом, это был большой портрет восточной красавицы, в массивной резной раме. С холста на вас смотрела молодая женщина, в богато украшенном платье, эпохи Наполеона.

Павел невольно загляделся на ее красоту, и спросил:

– Это бывшая хозяйка дома?

Алик, задержав взгляд на картине, протянул:

– Да, это бабушка моей жены! Но они были с ней так похожи, что рука не поднялась снять, оставил как память о жене. А сейчас, еще дочка подросла – копия, вылитая мать.

Говоря о дочери, лицо Алика расплылось в улыбке:

– Кстати, где ж она? Ведь обещала быть дома!

Наверху хлопнула дверь:

– Я здесь, папочка!

Высокая, хрупкая девушка, грациозно пробежав по широкой лестнице, кинулась ему на плечи:

– Ты не замерз, родной? На улице, такой ветер.

Поцеловав Алика в щеку, она повернулась к входной двери и никого не заметив, спросила:

– А с кем это ты разговаривал? Ты не один?

– Да, дочка! У нас в доме гость, его зовут Павел, он из России.

Павел, сделав шаг навстречу, вышел из тени простенка и почтительно кивнул головой.

– К Вашим услугам, мадамзель!

– О, вы галантный кавалер, как в старом кино. Павел, ведь Вы офицер? Для меня, правда, все русские – офицеры! Как, я люблю старое кино.

Немного замешкавшись, гость спросил с иронией:

– Вам, об этом рассказал мой оранжевый шарф? Он явно стеснялся.

Девушка демонстративно оглядела его с головы до ног и улыбнулась.

– Только Ваш шарф, об этом и молчит!

На помощь гостю, пришел хозяин дома:

– Накрывай на стол, дочка! А мы, с Пашей пока согреемся, – и заговорщицки подмигнув, увлек его за собой.

Массивная дверь под лестницей вела в кабинет. Щелкнув выключателем, Алик остановился и зажмурил глаза. Ослепительный свет исходил от огромной, висевшей под потолком

хрустальной люстры. Привыкнув к этому слепящему потоку, он поспешил к одному из книжных шкафов:

– У меня, и правда есть, настоящий армянский коньяк, не чета местному, друзья привозят...

При входе в кабинет в глаза гостю бросался огромный письменный стол у окна. Четыре бронзовых льва поддерживали за углы широкую гранитную плиту, всей своей поверхностью отражающую хрустальные переливы люстры. Казалось, что столешница из черного сияющего камня, висит в воздухе.

Еще целое семейство львов, расположенное на ней, служило украшением подсвечникам и чернильному прибору. У противоположной стены пара таких же красавцев-львов держала на весу черный кожаный диван. И еще одна пара бронзовых «царей» поддерживала кресла, стоящие напротив него. Павел осмотрелся вокруг. Вдоль двух других стен тянулись, застекленные книжные полки.

Кроме львов, восточную роскошь кабинета подчеркивала стена за диваном. Задрапированная персидским ковром, она вся была увешена холодным оружием. Алебарда, копье и двуручный меч, звездой скрестились в центре. Слева от них расположились европейские мечи, палаши и шпаги, а правую сторону ковра занимали сабли, ятаганы и кинжалы, работы восточных мастеров. По краям ковра, обрамлением всей композиции, послужили различные щиты и топоры.

– Коллекция – достойная родового замка воина, – заметил с восхищением гость, с неподдельным интересом разглядывая оружие.

Ответ Алика его озадачил:

– Да, многое из него и перевезли... А скажи, ничего, если пить будем из рюмок? – и как бы извиняясь, добавил. – Вся посуда на кухне...

Павел повернулся к столу и задумчиво оглядел хозяина дома. Невысокий, полноватый, с улыбкой до ушей человек, суетливо разливающий по водочным рюмкам коньяк, никак не вязался у него в голове с типичным образом представителя древнего воинствующего рода, владельца замка.

Подумав, что это возможно, по линии жены, гость немного успокоился. Но Алик, как будто, прочитав его мысли, вновь подлил масла в огонь:

– Давай выпьем за сарацин, так называли моих предков. Великие были воины.

Совсем опешивший, Павел молча осушил свою рюмку до дна. Он сейчас подумал про свой сон. Сон, из-за которого, собственно все и началось!

– Мужчин, прямо так и тянет к оружию.

На пороге мелькнула девичья тень, и уже издалека донеслось:

– Папа, я накрыла в столовой! Приглашай гостя. У меня индейка горит...

3. Праздничный ужин

Столовая, куда пригласила дочка хозяина, находилась по соседству с кабинетом. Это было внушительных размеров помещение, судя по хорошо сохранившемуся убранству, ранее оно предназначалось для торжественных приемов. Здесь легко можно было себе представить, с десятков пар кружащихся в вихре вальса или мазурки, ну или еще какого-нибудь модного в те времена танца.

Стол располагался у дальнего окна, выходящего в сад. Он был сервированный на троих, но вмещал такое количество блюд, что обещанная девушкой индейка здесь явно была бы лишней. На немой вопрос в глазах Павла, Алик развел руками и, покивал головой.

– Знаю-знаю, здесь так не принято. Ну, никак не могу отвыкнуть. А вдруг кто придет, праздник все-таки! – и со словами: «Располагайся, я скоро», – потомок сарацин, исчез за дверью.

Разглядывая «столовую», гость подошел к большому старинному камину, отделанному расписными изразцами. Этот исполин наверняка помнил еще те времена, когда он был здесь единственным источником тепла, и всегда собирал вокруг себя много желающих погреться или просто полюбоваться огнем.

Также как и тогда, жарко горящие поленья в нем готовы были делиться своим теплом и светом со всеми стоящими рядом с ним. Павел на себе ощутил, как изнутри он наполняется теплом и покоем. Сухая древесина изредка, с треском извергала потоки искр, похожих на салют. С той лишь разницей, что в камине они не падали, а кружась над огнем, поднимались все выше, и выше. Так уютно он нигде себя чувствовал, разве что дома. У себя дома. Как давно это было. Где сейчас его дом...?

– Вот-вот, смотрите! Прямо маленький салют!

Гость, засмотревшись на огонь, даже не заметил подошедшей к камину молодой хозяйки дома.

– А, Вы, Павел, тоже любите смотреть на огонь! Меня, так он просто гипнотизирует. Сначала он показывает мне разные картинки, затем они быстро-быстро меняются, а потом оказывается, что прошло уже много времени и я сижу у чуть тлеющих углей. Вот так же, наблюдая за огнем, мне привиделась тема моей будущей диссертации.

Девушка немного помолчала но, не дождавшись ответа продолжила:

– А иногда, я задаю огню вопросы, а он мне показывает ответы. А с Вами такое бывает? Гость повернулся к хозяйке дома и с улыбкой спросил:

– А как огонь обошелся с индейкой?

Девушка всплеснула руками.

– Павел, да что же это такое! Вы просто несносный человек, всегда уходите от ответа, – но улыбнувшись, добавила. – Ее он пожалел, обязательно попробуйте! Я люблю готовить. Будет вкусно!

Тут со словами: «А вот и я!», – в столовую степенно вошел человек в черном смокинге и с ослепительно белой манишкой. Изысканно опираясь на блестящую трость, он проследовал к столу. Удивлению гостя не было границ. Алик, а это был он, сменивший свой восточный наряд на европейский костюм, был неузнаваем. Прыжок от роли лавочника до элегантного светского льва, ему удался с блеском.

Эффектно усевшись в кресло, во главе стола, и насладившись произведенным впечатлением, Алик посмотрел на Павла. Шутя, жалобным тоном он произнес:

– Дочке нравится, когда я хожу закованный в эти доспехи, – и потрепал на шее галстук-бабочку.

– Ну, папа, тебе очень идут костюмы, зря ты их не носишь. Павел, ну хоть Вы скажите ему.

– Я думаю, в таком костюме, – протянул гость, – в парламенте он был бы, за «своего».

А вот за прилавком – торговаться, не с руки. Не солидно как-то, что ли. Трость

и «бабочка» ко многому обязывают, – высказал свое мнение Павел.

– Вот она мужская солидарность, – Алик захлопал в ладоши и широко улыбнулся. – Спасибо, Паша! Выручил, дорогой!

Сидевшая напротив, девушка демонстративно отвернулась от мужчин и нарочито надула свои красивые губки. Мужчины притихли и улыбаясь ждали развязки. Помолчав пару минут, для большего эффекта, девушка наигранно-тонким голосом произнесла.

– Павел, Вы по-прежнему несносны! Как Вы могли отказать даме в поддержке. Где, Вас только воспитывали!

Я тут бьюсь, бьюсь..., и уже почти победила, а тут Вы...,

с Вашей несносной практичностью!

От всего сказанного ею, девушке стало самой смешно, и она закрыла лицо руками. Алик же, глядя на жалобно-притворную гримасу дочери, поднялся из-за стола, и поднеся правую руку к груди, торжественным тоном произнес:

– Я, Алим, сын Сафара, обещаю всегда носить костюмы, пиджаки и прочую тесную одежду, в присутствии моей дочери Дианы!

С криками «Ура!» и хлопая в ладоши, девушка радостно кинулась обнимать отца.

Павел застыл на месте, он не мог пошевелиться. «Диана!» Второй раз за вечер, в этом доме, он окунулся в свой сон. Проснувшись сегодня утром, Павел долго не мог понять, что произошло. У него в голове, набатным колоколом, звучало это имя. О чем был сон, Павел забыл сразу, как только открыл глаза, и только сейчас он все вспомнил.

Весь сегодняшний день его преследовало чувство, какой то утраты. Как будто он потерял, что-то очень ценное и важное для себя. Именно это чувство, его и выгнало сегодня вечером из дома. Это оно привело его на Елисейские поля, на этот Рождественский базар, где он встретил Алика. И это же чувство настигло его здесь, у стены с оружием. У этого чувства, было имя – Диана.

Ночные переживания накатили на Павла, как волна. Его сон, длившийся всю ночь, пролетел сейчас в мыслях за секунды. Эта же волна памяти свалила гостя на стул. Где он и сидел неподвижно, не отрывая своего взгляда от девушки.

4. Сон

Под лесистым пригорком стояла запряженная лошадьми высокая фура. Вокруг нее плотной стеной столпились вооруженные люди. Держа копья на вытянутых руках, они с явной осторожностью приближались к этой повозке. Внутри созданного ими кольца, опираясь спиной на огромное колесо, стоял только один, истекающий кровью воин.

Судя по одежде, он принадлежал к когорте шахидов. Из-под его изорванного красного халата тускло отсвечивала вороненная сталь кольчуги. В своей правой руке воин держал широкий изогнутый арабский меч – скимитар. Золоченый шлем и щит мавра, украшенные арабской вязью, говорили о высоком положении их хозяина.

Привлекало внимание то, что араб отбивался от нацеленных на него копий одним только мечом. Свой небольшой щит он держал почему-то высоко поднятым над головой.

Вдруг, чей-то метко пущенный дротик, ранил его в ногу. Непроизвольно согнувшись от боли, мавр опустил щит, и все увидели в повозке ребенка, это была девочка.

Ее глаза сверкали как угли, но она была спокойна.

И даже тени страха, не было в этих детских глазах. Ее черные волосы, беспорядочно выбивались из-под белого палантина и в их обрамлении, пятна крови на белой ткани ее одежды, светились как-то особенно ярко. Они притягивали к себе взгляды нападавших, тем самым еще больше разжигая в них ярость.

Преодолевая боль, араб поднялся и огляделся. Перед стеной из щитов и копий он стоял один. Все воины его небольшого отряда лежали на этом крохотном пятнышке земли, вокруг этой повозки. И сейчас только их поверженные тела отделяли шахида от атакующих его франков. Казалось, они старались защитить своего господина и после своей смерти.

На фуре, горой нависая над ребенком, стоял его первый визирь. Смертельно раненый, он все еще старался укрыть собою ребенка от стрел и копий ополченцев. Это его кровь стекала на одежду девочки.

Внезапно гул голосов стих и все повернулись в сторону леса. С пригорка, на рысях мчал небольшой отряд всадников. Судя по наличию знамени впереди, это был эскорт большого вельможи. От отряда отделилось двое, и напрямую галопом направились к стоящей повозке.

– Приказываю всем, опустить оружие! – подъехавший всадник для пущей убедительности высвободил меч из ножен и поднял его у себя над головой. Этот закованный в броню рыцарь выглядел очень убедительно. Кольцо нападавших воинов, тут же разомкнулось, они сдали назад и послушно опустили свои топоры и копья. Араб продолжал стоять у повозки, с высоко поднятым мечом.

– Приказ касается всех, – угрожающе сказал рыцарь, и направил лошадь к мавру. – Представьтеся сударь!

– Генерал-губернатор Аль-Андалусии, – араб приложил руку с мечом к груди и, почтительно склонив голову, добавил, – командующий военными силами Омейядского Халифата.

Затем, выдержав паузу, шахид опустил меч и, обращаясь к стоявшему перед ним рыцарю, спросил:

– А, чьим именем приказываете Вы, сударь?

Всадник, перехватив меч двумя руками и глядя прямо перед собой торжественно произнес:

– Имя моего господина, Карл Мартелл! Майордом Австразии, командующий военными силами франков.

Опустив свой меч, рыцарь снисходительно улыбнулся и, кивнув в сторону второго всадника, громко добавил:

– Майордом только что спас Вашу жизнь, генерал. Надеюсь, Вам не будет стыдно, сдать ему Ваше оружие – лично!

К этому времени, рыцари под штандартом майордома франков уже оттеснили копейщиков от повозки и, осматривали место недавней схватки. Судя по количеству павших здесь франков, битва была яростной. Небольшая горстка погибших мавров заслужила одобрительные возгласы со стороны свиты майордома. А уж эти драчуны, знали в том толк.

Только сам Карл, все еще молчаливо осматривался по сторонам. Затем он слез с лошади и не спеша подошел к шахиду. Не произнеся ни слова, майордом протянул к нему свою левую руку в кожаной перчатке. Мавр, также безмолвно, вложил в нее свой меч и поклонился. Только когда все формальности были соблюдены и Карл передал полученный скимитар своему оруженосцу, он позволил себе обратиться к мавру.

– Приветствую тебя – великий воин! Сам Абдур-Рахман ибн Абдаллах – мой пленник. Я все еще не верю, своим глазам. Какому Богу мне принести дары, за такой подарок? Моему Христу или твоему Пророку!

Один! Без своего огромного войска! Без своей легендарной кавалерии! А ведь, я мечтал о нашей встрече. Вот, думал, соберу еще оружия, подготовлю еще воинов, да померяемся мы с тобой силами в чистом поле. Очень уж ты запугал местных людишек. А оно вон как вышло. Так чему же я обязан такому везению? Или, может быть, кому?

Мавр хотел выпрямиться, но боль в ноге видно отняла все его силы, и он опять прислонился к повозке.

– Аллах велик! Он один карает и милует! Сейчас Солнце на твоей стороне, но любой день всегда сменяется ночью. Сегодня утром, я оставил свою армию и поспешил навстречу этому обозу, с ним ко мне направлялась моя дочь. Но ты зря радуешься, мои когорты будут здесь еще до захода солнца и нет силы, которая сможет их остановить.

Мавр тяжело выдохнул и высокопарно продолжил.

– Каждый шахид, мечтает умереть с мечом в руках и моя жизнь в руках Аллаха! Но и без меня в Халифате найдутся воины! И месть за меня, только придаст им силы. И окрасятся эти холмы и реки кровью, и твои воины все до одного, падут на этом поле брани. А ведь соседи твои, Карл, с севера и с запада, только того и ждут! Они спят и видят твои поражения. И уже не защитит тебе своих франков, даже если и останешься жив! Разве я не прав, скажи?

Карл, поднял руку:

– Уважаемый! Мне кажется, что не в вашем положении меня пугать? Вы и ваша дочь находитесь в моих руках, и вам придется разделить участь моего войска, какой бы она не была! – майордом спокойно продолжил. – Или вы еще на что-то надеетесь, генерал? И может, Вы мне объясните, что тут вообще делает ваша дочь, она же почти ребенок?

– Вот сейчас, воин, ты заговорил о главном! Надеюсь я только на волю Аллаха и твою мудрость! Я расскажу тебе об этом, выслушай меня.

После смерти ее матери у нее не осталось никого более близкого, чем я. Она очень тяжело переносила наши расставания. Каждый мой отъезд приносил ей страдания от переживаний за меня. Поэтому, как только она подросла и обучилась походной жизни, я стал брать ее с собой.

Этой весной, после моей победы над герцогом Эвдоном и захвата города Бордо, наш обоз настолько отяжелел, что пришлось его оставить. А при переправе через Гаронну моя дочь упала в воду и простудилась. И мне пришлось оставить ее с лекарем и прислугой там же, при обозе. Я посчитал, что первый визирь с отрядом шахидов из моей личной гвардии достаточная защита от разбойников, да еще в моем тылу!

Если б я знал! – мавр сокрушенно покачал головой, но со словами: «На все воля Аллаха!», – продолжил:

– Налегке, без обоза, мы за три луны, прошли все горы и долины Аквитании. Несметные богатства, захваченные моими воинами в Галии и Бургундии, достойная награда за столь дол-

гий и трудный поход. Но их манили сокровища аббатства Святого Мартина в городе Тур, куда я и приказал отправиться обозу.

Вчера, проходя через Пуатье, я встретил там неожиданно серьезное сопротивление горожан, что и задержало меня в пути. А сегодня утром, одновременно прибыло два гонца, один от первого визиря, с известием, что обоз в одном дне пути до крепости Тур, другой о приближении войска франков со стороны Тура. Вашего отряда, Карл.

Я приказал своим войскам, оставить пока Пуатье и выдвигаться на Тур. А сам же, поспешил на встречу с дочерью, предупредить о возможной опасности. Но опоздал, обоз уже попал в засаду. Когда я прибыл сюда с десятком своих шахидов, вся охрана была уже перебита. На ногах оставался только, один – мой первый визирь, защищавший повозку, в которой находится моя дочь. Он и сейчас с ней. Ну а все прочее ты видишь и сам...

Вот так-то, Карл Мартелл, мы и встретились с тобой! Можешь приносить хвалу своему Богу или Аллаху, но это не спасет ни тебя, майордом, ни город Тур, ни земли франков в целом. До появления первой звезды здесь будет мое войско. Войско, с которым я прошел половину Африки и уже пол-Европы. У меня 80 тысяч закаленных в боях всадников. Это против ваших то, 20-ти тысяч пехоты, большинство из которых – ополченцы. Это вы, Карл на что надеетесь?

Узнав о моей смерти, когорты моих шахидов снесут все на своем пути и сожгут Париж! Франки проклянут твое имя в веках, Карл Мартелл! Об этом ли ты мечтал свою недолгую жизнь?

5. Карл Мартелл

Мавр замолчал и внимательно наблюдал за майордомом Австразии. Не молодой, но еще крепкий воин, сын короля Пипина, молча осматривал окрестности. Внизу под лесистым пригорком встречались две реки – Клэн и Вьенна.

Карлу, после побега из тюрьмы, куда он был посажен своей мачехой, только и оставалось, что воевать. Никогда не мечтавший о престоле, он свои последние двадцать лет провел в боевых походах и все его помыслы были направлены только на победное величие Франкского государства.

Одинаково жестко он обращался как со своими врагами, так и с бывшими союзниками. Которых в разное время у него было немало. Майордом, хоть и был неплохим политиком и умел договариваться, всегда оставался сторонником военной силы. Он считал, что каждая его победа на поле брани, помогает ему потом, одержать десяток побед за любыми столами переговоров.

Даже собственное духовенство выражало свое недовольство им. Но он был сила, и его боялись. Сам же он не боялся никого.

Карл был бесстрашен, но не глуп, и понимал, что все сказанное шахидом было реально. Сейчас силы Омейядов были несравненно больше его. Арабская тяжёлая конница и берберская лёгкая кавалерия, пройдут сквозь пехотные подразделения франков, как нож сквозь масло.

Ранее Карл рассчитывал с помощью Церкви, собрать под флагом борьбы с исламом всех живущих к северу от Пиренеев. Но на это времени уже не было. В чудеса Карл не верил. Он верил в Бога и силу своего оружия. Оружия ему и не хватало.

Абд аль-Рахман, как истинный сын Востока, умел ждать. Не проронив ни слова, он смотрел на Карла и видел, мучившие того переживания и тщетный поиск решений для выхода из сложившейся ситуации. Однако рана на ноге не позволяла ему больше стоять, и с натужной улыбкой мавр произнес:

– Если, Ваша милость, не даст мне и моим людям умереть от потери крови, я, пожалуй, смогу вам еще помочь.

Слова о помощи ему – Карлу, майордом пропустил мимо ушей, но всё же дал команду – позвать лекаря и перевязать раненых.

Майордом занимался изучением местности, намечая позиции для размещения своих войск, когда запыхавшийся оруженосец доложил, что пленный мавр просит его о срочной встрече.

Правителю аль-Андалусии, по приказу Карла, установили подобие шатра из находящихся рядом повозок, здесь же разместили и его дочь. Вход к ним охранялся парой копейщиков. Зайдя в палатку, Карл заметил, что состояние его пленника ухудшилось. Из-за большой потери крови кожа мавра была похожа на выцветший пергамент, дыхание стало прерывистым, глаза полужакрыты. Сидевшая рядом с ним девушка влажным платком обтирала его лицо. При приближении майордома, она встала и поклонилась.

Майордом, будучи галантным кавалером, ответил на ее поклон и невольно задержал взгляд на девушке. Белоснежный палантин, накинутый ей на голову, выгодно подчеркивал смуглость ее кожи и яркие губы. Огромные, темные глаза, выражающие одновременно величавую гордость и уважительное снисхождение, дополняли ее портрет.

Карл был неожиданно смущен ее красотой и статью. Прячущаяся в повозке, она выглядела как девочка-подросток.

– Как звать тебя, красавица?

Он не очень рассчитывал на ответ, так как в исламе не принято обучать женщин грамоте, а тем более чужим языкам. И потому, был очень удивлен, услышав тонкий, мелодичный голос произнесший: «Мое имя, Дана».

Абд аль-Рахман, приоткрыв глаза тихо прошептал:

– Дана, означает «большая жемчужина». Так оно и есть. Я обучил ее всему. Она знает звезды и медицину, говорит на всех ваших языках. Ей, еще при рождении, нагадали здесь жить.

Он немного помолчал, и совсем тихо добавил: «Да видно, не долго».

– Зачем звал, уважаемый? – настроение у майордома явно улучшилось. – Ведь сам говорил, что твои берберы

к ночи будут здесь. Я готовлю им достойную встречу!

– Карл, не спеши умереть! Ты храбрый воин, и не твоя вина, что мое войско сегодня больше, – мавр со стоном приподнялся, – Как только ты погибнешь, твои люди убьют меня и мою дочь. Я готов к смерти, плен это позор для воина. Но Дана! Она ведь, еще ребенок. Раненый шахид, немного помолчав, продолжил: – Вот, послушай мои слова!

Карл, если ты дашь мне возможность покинуть тебя с оружием в руках, я смогу помочь тебе и твоим людям. Услышь меня, все еще можно поправить.

И если ты не глупый и не жадный, то всем будет хорошо. Ведь я не ошибся в тебе, Карл?

В глазах шахида загорелся огонек лукавства, и он улыбнулся. Майордом напротив, весь напрягся и грубо спросил:

– Что ты еще придумал, старый хитрец? Ну, выкладывай!

Девушка наклонилась над отцом и отерла его лицо платком.

– Дана, дочка, оставь нас вдвоем, мне уже легче. Когда тонкий силуэт девушки скрылся за повозкой, мавр заговорил.

– Мне осталось уже недолго... Я тебе больше не соперник. Но я хочу спасти свою дочь. И если ты мне поможешь, то и ты и она будете жить.

Я сам, уже достаточно пожил, и хорошо знаю жадность моих воинов. В обозе, который ты захватил, находится то, за что они проливали кровь в этом походе. Уйти с этим, они тебе не дадут. Но если ты отправишь меня и дочку с этим обозом навстречу моим войскам, ты выиграешь много времени и сумеешь отвести своих людей под защиту городских стен. Этим ты многих спасешь от верной гибели.

А я, как командующий, обещаю тебе, что задержу своих людей или вообще, поверну их домой. Как тебе мой план? И кто знает, может быть сбудется твоя мечта и соберешь ты еще воинов под свои знамена и защитишь франков от наших набегов. Кто знает, кто знает... Но это, уже без меня. Карл, дай мне спасти свою дочь и я спасу твою армию!

Майордом думал недолго:

– Уважаемый! Придворная жизнь научила меня – никому не верить! Но я понимаю твои отцовские чувства и безвыходность нашей ситуации. Я отпущу тебя с твоим богатством, но твоя дочь останется с нами, и разделит нашу участь.

Бежать я не буду. В походном строю, мы будем легкой добычей для твоей конницы. А если ты исполнишь свое обещание и повернешь войска на юг, тогда я, Карл Мартелл, гарантирую твоей дочери жизнь и полную свободу!

И не советую тебе больше со мной торговаться, скоро стемнеет. Зови дочь, прощайтесь!

Карл вышел из-под навеса. Он прекрасно осознавал свое положение. То, что предложил араб, было единственным шансом для спасения его армии. Потому он и торопился. Как только здесь появятся передовые отряды мавров, предотвратить драку будет уже невозможно, а победить в ней – тем более.

Майордом окликнул часового и приказал запрягать лошадей в обозные фуры. Дана, стоявшая неподалеку, услышав эти слова, кинулась к шатру. Проходя мимо Карла, она приоткрыла лицо и с явным любопытством посмотрела ему в глаза. Тот кивнул в сторону шатра и сказал:

– Зайди к отцу, он тебя ждет.

Вздых облегчения и улыбка на ее лице сказали Карлу, что она готовилась к худшему.

Майордом приказал ездовым поторопиться с обозом и пошел на передовую, еще раз осмотреть свои укрепления. Уверенности, что все задуманное мавром получится, у Карла не было. Укрепленные высоты, конечно, давали франкам преимущество перед тяжелой конницей мавров, но их численное превосходство практически не оставляло пехоте шансов.

Возвращаясь с передовой, Карл еще издали заметил растягивающийся вдоль дороги обоз. Запряженных в повозки лошадей, из-под деревьев выводили на твердую почву. У крайней фуры суестились возничие. Там, из мешков и прочей утвари, они соорудили подобие дивана и расположили на нем раненого генерал-губернатора, чья кровь уже успела пропитать все подушки на том импровизированном лежаке. Сидеть на нем самостоятельно, мавр уже не мог, но настоял, что управлять лошадьми будет сам. Дочь заботливо укладывала вокруг него все новые и новые подушки. Заметив приближение майордома, Дана присела у ног отца и обняла его колени. Абдур-Рахман рукой подозвал Карла.

– Если Аллах даст мне силы добраться живым до моего войска, я его остановлю. И ты Карл, исполни свое обещание. Позаботься о моей дочери...

Я ей тут оставил немного добра, чтоб не нахлебницей была. Мало ли что. Защити ее. Да поможет тебе, твой Бог!

Он наклонился над дочерью, положил свои руки ей на плечи и, прикрыв глаза, тихим шепотом то ли молился, то ли прощался с ней.

Обоз тронулся. Дана, стоя у обочины, провожала его взглядом, пока последняя кибитка не скрылась за мостом. На дороге они остались с Карлом вдвоем. У майордома были свои причины смотреть вдаль, он готовился к обороне.

Когда девушка повернулась к майордому, слезы на ее лице, уже высохли. И в последних лучах заходящего солнца Карл увидел, не хныкающее лицо девочки, а уже спокойное и даже пугающее своей суровостью лицо женщины. В один момент, она стала взрослой.

Карл вспомнил это выражение лица, он видел его на одной из статуй в своей резиденции. Это была Диана – языческая богиня охоты.

6. Незванные гости

Павел еще раз посмотрел на девушку. Да это была она. Нет, не та Диана-охотница, а та девушка Дана, ухаживающая за раненым Правителем. Да, та же улыбка, тот же уверенный и немного снисходительный взгляд и то же обожание в глазах, когда она смотрела на своего отца.

Звонкий голос Дианы, вывел его из состояния задумчивости.

– Павел, о чем вы думаете? И почему вдруг, вы стали смотреть на меня такими удивленными глазами, у меня, что выросли рожки?

Она комично стала ощупывать свою голову, где по ее мнению должны были вырасти рога. И со словами: «Свет мой, зеркальце скажи...», Диана вприпрыжку направилась к большому зеркалу у камина. Все это, она сделала так шумно и весело, что Алик расхохотался:

– Ну, дочка! Ну, молодец! Давно я тебя такой не видел.

Из прихожей раздался мелодичный звук электрического звонка. Алик повернулся к Павлу.

– Я же говорил? Какой праздник без гостей. Я и калитку не стал закрывать!

Диана была ближе всех к выходу, и еще дурачась, вприпрыжку побежала открывать дверь. Но вернулась она быстро и притихшим голосом сказала:

– Папа, это к тебе.

– Ай-яй-яй! Ну, что же ты бросила людей на пороге, давай дочка, приглашай гостей к столу!

Диана еще более тихим тоном произнесла:

– Папа, это не гости, это жандармы. Они хотят тебя видеть.

Алик взволнованно посмотрел на часы, потом на Павла:

– В такую-то пору, что же могло случиться. Он торопливо встал, одернул полы смокинга и поспешил к выходу.

Диана, подойдя к камину, поежилась, как будто замерзла и протянула руки к огню. Гость вышел из-за стола и встал рядом с девушкой. Ее нервная дрожь становилась все сильнее. Заметив это, он вернулся к столу и, взяв бокал, протянул его девушке:

– Успокойся, ничего же не произошло. Вот выпей...

– Нет, вина не хочу, – она махнула рукой на свой бокал, – налей мне коньяка. Никогда не пробовала, папа его хвалил.

Павел не найдя на столе пустой посуды, плеснул из бутылки в свой бокал. И как заправский официант, перекинув салфетку через руку, с поклоном поднес бокал даме.

Глядя на это действие Диана тоже улыбнулась и, посмотрев ему в глаза тихо прошептала:

– Спасибо, Паша! Я уже в порядке. Просто как-то тревожно стало и холодно. Но уже прошло. Давайте я сварю всем кофе?

В этот момент дверь в столовую приоткрылась, на пороге стоял отец Дианы, одевающий пальто:

– Милая, мне необходимо проехать с господами, в участок. Ты не переживай за меня.

Он подошел, поцеловал дочь и, повернувшись к Павлу добавил: «Дорогой, если тебе не трудно, побудь с ней, пока я не вернусь. Ночь на дворе, куда ты пойдешь! И мне старику за нее, будет спокойней, и ей не так страшно. А? Договорились?».

Павел пытался пошутить:

– Ну, только если меня угостят хорошим кофе!

Алик со словами: «Ну и замечательно, – приобнял гостя, – спасибо, дорогой!» Потом добавив: «Ну, с Богом!», он перекрестился и быстро вышел из дома.

Диана бросилась к окну, выходящему во двор. Из него было видно, как двое мужчин в строгих костюмах, один спереди, другой сзади, сопровождали ее отца. Павел, смотревший из-за ее плеча, негромко заметил:

– Прямо премьер-министр с личной охраной! А в Париже, все «ажаны» так одеваются?

Девушка резко повернулась:

– Не знаю! Нет, наверное. О Боже, я опять начинаю волноваться. Но они показали мне какие-то удостоверения...

– Стой здесь, я сейчас! – молодой человек ловко выскочил за дверь. Диана наблюдала из окна, как он крадучись вдоль ограды, подошел к кованой калитке и, наблюдая сквозь нее, осматривал улицу.

Прошло достаточно много времени, прежде чем Павел решил вернуться. Зайдя в дом, он первым делом подошел к камину, потирая ладонями свои уши и нос, пробурчал: «Однако, морозец!»

Девушка в ожидании объяснений накинулась на него:

– Ну, что там? Ну, что же Вы молчите?

Не желая более испытывать терпение хозяйки дома, Павел заговорил:

– Я просто вышел посмотреть, на чем нынче флики ездят. И то, что они вежливо усадили Вашего батюшку в Мерседес, меня даже порадовало...

– Павел, перестаньте ерничать, Вы же видите, я волнуюсь, – девушка на высокой ноте перебила его шутливое повествование. – Какой может быть Мерседес у жандармов?!

Павел улыбался:

– Хороший такой Мерседес, новый, большой! ... под стать их костюмам...

Диана чуть не плача, подскочила к гостю и своими кулачками принялась стучать по его мощной груди:

– Перестаньте надо мной издеваться!

Молодой человек, отступая под напором девушки, пятился до самого стола, пока не споткнулся о стул. Усевшись на него верхом, он спросил:

– Слушай, а где же твоя обещанная индейка? Полночь уже прошла!

Диана обессиленно опустила на соседний стул:

– Вот ты все шутишь, а может правда, надо позвонить в жандармерию. С кем он уехал? Почему ты такой спокойный?

Павел выпил глоток воды:

– А мы, что уже перешли на «ты»? Это хороший знак.

Но глядя на уже закипающую гневом девушку, серьезным тоном продолжил:

– Когда я увидел их костюмы, и особенно машину, на которой они увезли твоего отца, я сам засомневался. Но как только они отъехали от дома, напротив вашей калитки припарковался жандармский патрульный автомобиль и из него никто не выходил. Так что мы, под надежной охраной. И мне кажется, я заслужил чашечку кофе!

Диана с жадностью глотала каждое его слово, но когда он замолчал, чувство тревоги опять поселилось в ее глазах:

– Ну и что же все это значит?

Павел молча пожал плечами. Не дождавшись ответа, девушка всплеснула руками:

– Ну почему Вы молчите? Я с ума схожу, а он спокойно сидит. И правда, пойду-ка я сварю кофе, а то еще уснете за столом. А мой папа поручил Вам за мной присматривать!

Молодой человек, молча иронично улыбался, казалось, ему нравилось подтрунивать над девушкой.

После непродолжительного грохота и звона посуды из кухни раздался голос хозяйки:

– Ау, Павел! Если Вы еще не спите, вам с сахаром или без?

Невольный охранник подошел к дверям кухни:

– Да, я пью кофе сладким и без молока.

7. Павел

Девушку ободрило присутствие гостя на кухне.

– Павел а, правда? Папа рассказывал, что в Москве выдавали сахар по талонам.

Гость ответил неохотно:

– Да, правда! Это было в начале девяностых, но давно прошло.

Не отрывая взгляд от плиты, Диана не унималась.

– А что еще было по талонам? Все продукты?

Павел сначала задумался, задрал голову в потолок, как будто искал там ответ. Потом все же ответил:

– Ну не все конечно. Я точно не знаю. Меня тогда не было в России.

Девушка захлопала в ладоши и, заглядывая гостю в глаза, выдала:

– Вот-вот! Мы и подошли к самому интересному. А где же Вы были, в самые трудные для Вашей страны времена? Чем Вы вообще занимаетесь? Я целый вечер не могу у Вас это выпытать. Признавайтесь!

Павел, улыбнувшись своей широкой улыбкой, опять захотел отшутиться:

– Ну, ведь и я про Вас ничего не знаю!

Диана замахала руками:

– Нет, нет! Я первая Вас спросила! Давайте договоримся, сначала Вы о себе все рассказываете, а потом я, как на духу. Хорошо? Вы как мужчина должны уступать женскому любопытству.

В этот момент, кофе с шипением убежал на плиту.

И Диана таким растерянным взглядом посмотрела на Павла, что он сдался:

– Ну, хорошо-хорошо! В те времена, я служил в армии и находился в командировке, далеко от России. Отстаивать интересы своей страны, иногда приходится и далеко за ее пределами.

Девушка всплеснула своими руками, и посыпались вопросы:

– Паша, расскажи, а где ты был? А там шла война? А в тебя стреляли? А тебе было страшно?

Гость улыбаясь, выслушал весь поток вопросов, но ответил только на один:

– В начале, всегда страшно, а когда ввяжешься в бой, бояться уже некогда.

Диана замороженно посмотрела на гостя и по-детски восхищенно, но ехидно произнесла:

– Павел, так вы у нас Герой!

На что он, смущенно, но серьезно, ответил:

– Ну, если и Герой, то в первоначальном смысле этого слова.

Девушка не сдавалась:

– Какой еще может быть смысл у этого слова? Человек, пренебрегая любыми опасностями, идущий к своей цели, и стойко переносящий все лишения на этом пути.

Гость посмотрел на девушку, и спокойно ответил:

– Все так и есть! Но цели у людей могут быть разными. На сегодняшний день получается, что любой, даже рискующий ради личной выгоды, это или «герой» или «неудачник». Все зависит только от результата.

Раньше, люди чаще задумывались над духовностью своих поступков. И необходимостью искупать свои грехи. Они боялись – убивать, воровать и дальше по заповедям... Совсем другое дело, если их на это посылает кто-то – церковь, правитель, народ. Любой правитель, отправляя своих подданных на войну, тем самым, берет грех убийства на себя, а они, выполняя его волю, становятся Героями. И заметь, независимо от результата – победив или проиграв, живые или

павшие, все становятся Героями. Одно лишь условие – честно выполнить свой долг перед тем, кто тебя послал. Согласись, есть разница!

Диана кивнула головой и притихшим голосом добавила:

– Я вообще не люблю войну. Даже если она далеко и даже если победили мы. Ведь у кого-то там погибли дети.

Девушка, немного помолчав, подняла свои глаза на гостя и спросила:

– Ну, тебе-то, как «человеку в погонах», наверняка нравится воевать? Не зря же военные историки пишут, что любая война это двигатель прогресса.

Павел ответил не задумываясь:

– Да, я не против «прогресса». И я согласен с тем, что все новейшие технические разработки идут сначала на вооружение и лишь затем в «народное хозяйство». На это, древние мудрецы говорили: «Хочешь жить в мире, готовься к войне!». Но лично я – сторонник «шпаги». Когда ты смотришь прямо в глаза противника, твоим клинком управляет Бог. А ему сверху виднее, кто прав!

И насчет «воевать», не угадала. Я, как и ты, не люблю войну. И вся моя служба заключалась в том, чтобы военных конфликтов было как можно меньше. На Востоке говорят, что лучший полководец, это тот, кто выигрывает битву, не вынимая меч из ножен.

Павел заглянул в глаза девушки и, смеясь, добавил:

– Но меч то, у него должен быть исправным.

Диана заулыбалась в ответ и умоляющим тоном прошептала:

– Павел, вы такой интересный собеседник. Ну, расскажите мне о себе. Если не нравится про войну, можно пропустить. Сейчас же ты не воюешь? Ну, пожалуйста!

Павел засмотрелся в ее сияющие глаза и, видя в них неподдельно живой интерес согласился.

– Ладно, уговорила! Хотя и рассказывать особо нечего. Родился, крестился, учился. Пошел служить, в армию. Думал послужить недолго, да потом все как-то закрутилось, затянуло с головой. Мне всегда хотелось делать то, что никто другой не может или не хочет. Делать что-то необходимое людям. Да, наверное, я просто как все, чувствовал потребность быть кому-то нужным...

До службы, я жил в небольшом южном городке. Не настолько маленьком, чтобы все друг друга знали, но и не таком большом, чтобы в нем что-то происходило часто. Любое событие там обсуждалось, неделями. Это был тихий, уютный, провинциальный городок в котором все устраивало. Из него редко кто уезжал, или даже собирался. Там каждый занимался своим делом, и всем жилось комфортно. И я бы со временем, тоже нашел бы там себе место и стал бы для них нужным и незаменимым.

Но служба показала мне другой мир. Я насмотрелся на большие города и маленькие селения, где жизнь протекала не так мирно и гладко, как на моей «малой» родине. И я уже знал, что мог помочь очень многим. Я в это верил, и мне это нравилось. В армии тогда почти все служили за идею, и это было престижно.

Потом – смена власти, реформа в армии, да и всякое такое. Служить за идею стало немодно и даже некрасиво. Я снял погоны и решил заняться бизнесом. Бизнес, как оказалось – не мое, и когда меня позвали обратно на службу, я с радостью согласился.

Но и служба, тоже стала другой. Страна изменила свое отношение к армии и пришли служить другие люди. Идею заменили деньгами. Все, кто это не принял – не пришлись ко двору. В общем, опять ушел – а куда и сам не знаю. Никаких планов уже не строю, живу в свободном полете.

Диана участливо поинтересовалась:

– Ну и чем же, Вы сейчас занимаетесь? Куда направлен Ваш свободный полет?

Гость молча смотрел в окно, и девушка поняла это по-своему:

– Павел, если это секретная информация, то не надо ничего придумывать. Так и скажите: «Тема закрытая». Я же понимаю, серьезная работа – требует серьезного отношения к ней.

Павел, не оборачиваясь от окна, хриплым голосом произнес:

– Серьезная работа – требует серьезных документов. А с паспортом польского фермера, как у меня – и «вышибалой» в баре, сейчас за счастье устроиться. А с нынешним отношением здесь к «славянам», так вообще нереально. Вот вчера, я расстался со своим очередным «хозяином», опять не обошлось без «мордобоя». Сама понимаешь – полет то, невысокий.

Услышав это откровение, Диана на какое-то время притихла. Но даже заметив, что девушка расстроилась, Павел не пожалел о своих словах. Он очень не хотел, что бы между ним и Дианой оставалась недосказанность. Павел был уверен, что честность – лучший фундамент любых отношений.

Но что бы как-то разрядить обстановку он решил продолжить:

– Конечно же, мне многие предлагали «полетать» наемником...

– Да, да! В Иностранном легионе, – вставила девушка, – там вообще говорят, документы не спрашивают.

– Ну, в Легион, я уже по возрасту не пройду, да и несерьезно как-то мне в сержантах бегать. Офицеры же там, только французы. А вот в разные частные коммерческие армии меня звали некоторые из моих бывших «коллег».

Девушка встревожилась:

– Но ведь там нанимают воевать, и там могут убить.

Гость ее перебил:

– Убить могут и в своей постели, в центре Парижа. Там, проблема в другом – ты должен убивать, кого прикажут. Таковы правила игры.

Один мой товарищ, бывший сослуживец, давно еще, как только приехал сюда, завербовался в Легион. Он был женат и «повелся» на новые документы и гражданство. Решил так обеспечить свою семью. Классный специалист и служба хорошо пошла и, денег заработал. Уже второй контракт заканчивался...

На этих словах Павел замолчал, и Диана не выдержала:

– Ну и что, его убили?

Тут он, буквально, проскрипел зубами:

– Нет! Хуже...

Девушка, по тону гостя, поняла, что его лучше не перебивать. Спустя пару минут, Павел уже нормальным голосом продолжил.

– Его послали инструктором в Грузию, учить «их» спецназ. И там его отряду поручили подготовить диверсию против российских миротворцев. И вот она дилемма – кого предать? «Свои» – и одни и другие, но кто-то должен был, погибнуть... Павел опять замолчал.

Диана подождала минуту, но любопытство победило:

– И, кого же он определил в жертвы?

Гость ответил быстро:

– Он выбрал себя. Перед самым началом операции, он пробрался в расположение миротворцев и предупредил их. Естественно диверсию отменили, тогда удалось избежать гибели с обеих сторон.

Диана захлопала в ладоши:

– Молодец! Вот настоящий русский офицер. Патриот. А где же он сейчас?

Павел не разделял ее радости, и угрюмо ответил:

– А сейчас, этот «настоящий русский офицер» сидит в настоящей русской тюрьме. Все его «бонусы» от Легиона были аннулированы, счет военнослужащего «заморожен». Его жену и ребенка, мне пришлось нелегально переправлять в Россию, чтобы они здесь, как «граждане Франции», не умерли с голоду.

Гость опять отвернулся к окну и замолчал. Когда пауза затянулась, Диана спросила:

– Паша, а можно я скажу свое мнение? – и, не дожидаясь его одобрения, продолжила. – Так, что-то в голову пришло. Вам, очевидно, очень нравилась Ваша работа. Может Вам опять вернуться на службу?

Тем более, в России сейчас, такие большие перемены. Мне кажется, этот Ваш президент знает, что делает. До полной демократии, конечно еще далеко, но он молодец. Что Вы думаете о нем?

Гость, ответил нехотя:

– Политика не мой «конек», я простой солдат. Но «полной демократии» я насмотрелся здесь, и России такого не пожелаю. А по существу, так у меня слишком мало информации, чтобы делать выводы, каков он. Я живу в Европе и не знаю, где заканчивается правда и начинается ложь о России.

Пропаганда любого государства, всегда стоит на страже собственных интересов, от кого бы она ни исходила. Но мне есть с чем сравнивать. Я помню свою страну, двадцать лет назад и вижу, что там сейчас. Счет, явно в его пользу.

Девушка подхватила:

– Да. Путин сегодня очень популярен в мире. Он уже оставил свой след в истории, и не только российской. Или ты просто не хочешь назад, домой? Тебя там никто не ждет?

Павел не ответил, он о чем-то задумался, продолжая смотреть в окно. Девушка взялась было, чистить плиту от сбежавшего кофе, но поняв молчание гостя по своему, тихим жалобным голосом произнесла:

– Паша! Прости, если я тебя чем-то обидела.

Ее слова действовали на гостя необычно. Он отвернулся от окна, сделал шаг к Диане и, взяв ее за обе руки, прижал их к своей груди. Постояв так минуту, он отпустил ее. Но при этом забрал у нее губку и стал ожесточенно оттирать плиту.

– Нет, ты все правильно сказала. Конечно, я хочу домой. Там у меня друзья детства, там сын растет, там моя Родина. Но уходя «крайний раз», я так «хлопнул дверью», что пришлось бежать, как видишь, далеко и надолго. Меня там уже не ждут. Наверное.

Последнее слово он сказал как-то неуверенно. Справившись с печкой, Павел помыл руки и, посмотрев на притихшую Диану, предложил:

– А давай я сварю кофе? Я умею делать вкусный кофе!

Девушка улыбнулась и поставив на стол банку с молотым кофе и сахарницу, махнула рукой:

– Давай, делай!

8. Урок истории

Сидя за праздничным столом, Диана искренне нахваливала кофе, приготовленный гостем:

– Вот именно такой кофе я больше всего люблю! И моему папочке, тоже такой нравится. Но как, так сварить? У нас, никогда не получается. Это, наверное, секретный рецепт? Ваш семейный? Поделитесь, Павел! – и, посмотрев на него умоляющим взглядом, добавила. – А я, как и обещала, расскажу про себя.

Павел, что-то разглядывал на дне своей чашки. Потом поставил ее на край стола и задумчиво спросил:

– А ты гадать на кофе умеешь? А то у меня столько вопросов накопилось, даже больше чем от тебя слышу. Кто бы, хоть что-нибудь разъяснил.

Потом, как бы возвращаясь к теме беседы, ответил:

– Нет, это не семейный рецепт, но секретный! У меня, одно время, служба проходила на Ближнем Востоке, там и научился. Но если, ты прямо сейчас не начнешь свой рассказ, то так никогда и не узнаешь этого рецепта.

Павел уселся на стуле в позе внимательного слушателя, и наигранно, всем своим видом показывал, что он не отступит.

Диана, видя упорство гостя и чувствуя неподдельный интерес к своей персоне, согласилась:

– Хорошо, слушай!

Еще какое-то время ее взгляд скользил по лепному потолку и стенам гостиной, в надежде найти подсказку. Но видимо не найдя ее, после довольно продолжительной паузы, девушка извиняющимся тоном в нерешительности, произнесла:

– А может, ты будешь задавать мне вопросы? Я не знаю с чего начать.

Павел, заметив растерянность девушки, решил ей помочь:

– Да просто расскажи, чем ты сейчас занимаешься? Отец говорил, ты пишешь диссертацию. Вот и начни с этого, о чем она? На какую тему?

Диана облегченно вздохнула и с чувством глубокой признательности посмотрела на Павла. Затем, хитро улыбнувшись, и со словами: «Ну, смотри, сам напросился», – степенно вышла на середину комнаты. Находясь в центре внимания, она преобразилась и стала похожа на классического университетского лектора. Хорошо поставленным голосом, девушка громко продекламировала:

– В настоящий момент я работаю над темой «Исторический аспект социально-философского анализа эсхатологии в системе религиозных проблем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.